

Мозговая Алла Викторовна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
mozgovai@yandex.ru

**Социальные общности в условиях трансформации: распознавание, оценка,
адаптация к рискам**

Аннотация. В статье обоснованы и апробированы основные положения авторского подхода к социологическому представлению процесса идентификации трансформационных рисков, факторах оценки и выбора стратегии адаптации к рискам различного уровня. Проанализированы и обобщены неравенства в распределении риска в социальном пространстве трансформирующегося общества и неравенства в наличии и качестве ресурсов адаптации к неопределенности, возникающей на стыке институциональной среды и жизненного мира человека. Предложен методологический подход к исследованию факторов личностного выбора стратегии действий в ситуациях неопределенности социальных и экономических изменений на мезо– и микроуровне – общность, личность.

Ключевые слова: трансформация; неопределенность; общность; риск; оценка; адаптация

Mozgovaya Alla Viktorovna
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
mozgovaya@yandex.ru

**Social communities under transformation: identification,
evaluation, risk adaptation**

Abstract. The article substantiates and tests the main provisions of the author's approach to the sociological representation of the process of identifying transformational risks, as well as factors for evaluating and choosing a strategy for adapting to risks of various levels. Inequality in the distribution of risk in the social space of a transforming society and inequality in the availability and quality of resources for adaptation to uncertainty arising at the intersection of the institutional environment and the human life world are analyzed and generalized. A methodological approach to the study of factors of personal choice of action strategy in situations of uncertainty of social and economic changes at the meso-and micro-level-community, personality.

Keywords: transformation; uncertainty; community; risk; evaluation; adaptation

Введение

На сегодняшний день в научном сообществе есть понимание того, что современная жизненная среда отличается ускорением темпов изменений, нелинейным характером динамики и сжатием жизненного цикла формирования и развития

факторов, детерминирующих изменения, что в свою очередь усложняет процесс и «сжимает» период адаптации к ним.

Изменения отличают сложные многофакторные и многофункциональные социальные системы как одно из их атрибутивных, сущностных свойств. Динамика социальных процессов может иметь эволюционный характер через постепенное реформирование и модернизацию, может приобретать характер системной трансформации, обусловленной потребностями самой системы и тогда изменения прогнозируемы и управляемы. Трансформации могут представлять собой реакцию на неидентифицированные качественные изменения, кризисы и тогда они становятся источником возрастающей неопределенности, которая обуславливает риски неблагоприятных исходов событий и процессов.

Именно такая социальная трансформация, осложненная масштабным экономическим кризисом, имеет место в современном российском обществе. Состояние общества в настоящий момент можно охарактеризовать как этап перехода от разработки моделей адаптации к трансформационным рискам с целью *выживания* к адаптационной стратегии, направленной на *развитие* материального и духовного потенциала общества, на *интеграцию* в отличие от разобщенности.

На этом этапе крайне важна научная рефлексия социального и экономического самочувствия различных категорий населения страны. В частности, изучение адаптационного поведения в условиях доходного неравенства, неравенства в распределении рисков, обусловленном неравенством ресурсов адаптации к этим рискам не только в доходной составляющей, но и в социальной сфере, в реализации права на благоприятную природную среду и охрану здоровья.

Актуальной целью становится такое обобщение и систематизация научного теоретико-методологического и эмпирического знания, которое «свело» бы эти два уровня научного познания на одно поле эмпирических исследований относительно того, как различные социальные субъекты – территориальные общности, социальные и профессиональные группы, обыватели определяют риски, чем обусловлена оценка ущербов от этих рисков и какие адаптационные стратегии и практики создаются ими для снижения уязвимости, особенно в период острых кризисов, трансформаций и изменений как таковых.

Методология идентификации и оценки рисков

Ниже представлены исходные положения авторского понимания процесса распознавания рисков, которые формируются в «недрах» неопределенности, о сущности, целях, факторах оценки рисков как фазы, предшествующей принятию решения о стратегии адаптации.

Отличительная черта современности – неопределенность, а главный спутник неопределенности – риск: угроза, потенциальная возможность будущих материальных, физических, психологических, социальных, духовных *потерь* (ущерб здоровью, жизни, имуществу), обусловленных *субъективным* решением.

Неопределенность имманентно (сущностно) содержит *риск* как вероятность ущерба от неадекватного *выбора* стратегии упорядочивания, структурирования неопределенности. Как потенциальная возможность ущерба в социетальном пространстве неопределенности риск находит проявления через чрезвычайные ситуации, кризисы, которые при непродуктивной стратегии преодоления могут привести к катастрофе.

Основной фундаментальный признак неопределенности – это неоднозначность позитивной направленности изменений, которая обуславливает переориентацию как управленческой идеологии и практики, так и жизненной стратегии индивидов *с абсолютной безопасности на приемлемый риск как статус безопасности*.

На какой бы позиции ни находился социальный субъект: деятельностной или пассивной, взаимодействовать с неопределенностью ему так или иначе придется. Нестабильность и неустойчивость привычных условий среды, противоречие между инновациями и повседневностью требует и от индивида, и от социальных субъектов тех или иных усилий по её упорядочиванию.

Структурирование неопределенности как цель продуктивного взаимодействия с ней осуществляется для сохранения целостности *объекта ответственности и контроля*: общества как системы, отдельных сфер жизнедеятельности, социальных институтов, территориально-поселенческих образований, семей, индивидов.

Объектом ответственности и контроля для социальных субъектов является *качество социальности, т. е. способности к функциональному взаимодействию и управляемому институциональному развитию на базе саморефлексии явлений, процессов, отношений*; для индивида и семьи объектом ответственности и контроля является *ресурсный потенциал*. В обосновании управленческих решений участвуют эксперты, субъектами выбора и принятия решений выступают регулирующие органы. На уровне семьи и индивида выбор стратегии структурирования неопределенности и адаптации к рискам делают сами индивиды.

Пока не осознан сам факт качественного изменения среды, не начнется и процесс упорядочивания неопределенности, который может идти и изнутри в соответствии с логикой развития системы, тогда риски имеют *эволюционную* природу; может идти и сверху, тогда риски упорядочивания неопределенности обретут природу *навязанных*.

Процесс структурирования неопределенности, выявления в ней нового качества, конструирования возможностей упорядочивания производится в соответствии с *идентификацией* неблагоприятных событий и *оценкой* приемлемости последствий через соотношение *ущерба и степени уязвимости от рисков*.

Определение степени уязвимости производится через оценку наличных ресурсов и определение возможностей для создания дополнительных ресурсов. На основе идентификации риска и оценки собственной уязвимости осуществляется *выбор* по отношению к стратегии адаптации к риску: приемлем/ при определенных обстоятельствах/ неприемлем.

В соответствии с этим выбором принимается *решение*, суть которого состоит в принятии того способа взаимодействия с риском, который соответствует определенной

цели субъекта: – управлению или адаптации к риску как новому существенному элементу качества жизни.

Идентификация и оценка приемлемости последствий неблагоприятных событий как оценочная процедура выполняется всеми субъектами, вовлеченными в пространство неопределенности на различных структурных уровнях общества. На уровне социальных институтов, поселенческих общностей целью организации и управления в ситуациях неопределенности является *приемлемый риск*. Механизм согласования позиций для определения социально приемлемого уровня риска в социальных общностях среди рискологов и риск-менеджеров получил наименование *рисковой коммуникации*. Стратегия взаимодействия с осуществившимся риском – катастрофой – представляет собой пост-катастрофное восстановление территорий и населения, *ре-адаптацию*.

Таблица. Объекты и субъекты оценки и решений в условиях риска

Объекты	Уровни проявления риска	Субъекты идентификации и оценки	Субъекты решений о приемлемости риска
Мировое сообщество	Трансоциетальный (изменение климата, масштабные эпидемии, энергетическая безопасность, охрана природной среды, переработка мусора, терроризм)	Международные организации, представляющие глобальные интересы сохранения и развития среды обитания и здоровья населения	Властные структуры отдельных стран
Общество	Социетальный (трансформационные системные кризисы, катастрофы и бедствия)	Эксперты-профессионалы, общественные организации и движения	Органы законодательной и исполнительной власти
Сферы общественной жизнедеятельности	Социальный (социально-структурное неравенство, девиации, модернизационные кризисы отдельных сфер)	Эксперты-профессионалы, общественные организации и движения	Органы законодательной и исполнительной власти
Территориаль-ные поселенческие образования (регион, город, населенный пункт)	Региональный, локальный (чрезвычайные ситуации, бедствия, аварии на промышленных объектах)	Эксперты-профессионалы, общественные организации и движения, население	Органы законодательной и исполнительной власти
Домохозяйствоиндивид	Семья, личность (бедность, социальная незащищенность, неравенство возможностей доступа к медицинским, образовательным и иным услугам и др.)	Эксперты-профессионалы, общественные организации и движения, население	Органы законодательной и исполнительной власти; индивид, семья

На уровне индивида целью структурирования неопределенности является достижение *приемлемого статуса безопасности*, механизмом которого выступает *адаптация*. Адаптация представляет собой взаимодействие личности с макро– и микросредой для достижения комфортного самочувствия, статуса безопасности, обеспечивающего минимальную личностную уязвимость и максимальную устойчивость внешних факторов как контекста для реализации тех или иных личностных целей, стратегии жизни в целом.

На уровне личности адаптация к новым факторам среды идет через освоение / конструирование адаптационных практик, наращивание / приобретение адаптационных ресурсов, за счет чего происходит совершенствование адаптационного потенциала личности. В таблице приведено представление автора об объектах, уровнях проявления, субъектах идентификации, оценки и решения о приемлемости риска. (см. Табл.).

Результаты применения разработанной методологии: рефлексия исследовательского опыта

Институциональные и социоструктурные риски, угрозы структуре человеческого потенциала. Исходным методологическим подходом к пониманию трансформационных процессов в современной России автором принята системная концепция Т. И. Заславской, которая трансформационные изменения трактует не только как мультивекторные, но и противоречивые, «возвратно-поступательные» и рассматривает российскую трансформацию в трехвекторном пространстве: изменений институциональной, социальной и структуре человеческого потенциала [Заславская, 2004].

Неопределенность и неоднозначность трансформационных изменений по направлениям институциональных, социоструктурных преобразований и вектору человеческого потенциала представляет собой контекст формирования рисков социетального уровня.

К числу важнейших социоструктурных рисков, безусловно, относится неравенство, увеличивающийся разрыв в уровне и качестве жизни между его богатыми и бедными слоями, воспроизводство бедности как барьера социальной мобильности, малочисленность и медленные темпы формирования «среднего класса», противоречивость прекарного труда, неравномерность развития социально-структурных процессов в различных регионах.

Трансформационные процессы, не имеющие четкой направленности на развитие человеческого потенциала, обусловили усиление как социальной аморфности, так и классовой дифференциации, базу которой составляет исключительная значимость материально-экономических факторов для доступа к неэкономическим ресурсам.

Доходное неравенство блокирует развитие человеческого потенциала, усиливает уязвимость и обуславливает ресурсное неравенство для адаптации к рискам. Формируется неравенство в распределении рисков и в ресурсах противостояния им.

Наблюдаемая стигматизация бедных и малообеспеченных групп населения со стороны массового потребительского сознания ведет к риску расширения пространства социальной отчужденности в обществе. Снижение толерантности россиян к неравенствам может «обернуться... радикальным пересмотром отношения россиян к нынешней модели государства» [Горшков, 2014: 30–31].

Теневая занятость, нисходящая трудовая мобильность стимулируют процессы закрытости социальных групп, что «лишает саму систему возможностей аккумуляции, накопления социальных ресурсов, могущих служить стимулами для социального морфогенезиса» [Гудков, 2016: 217].

Отсутствие представления о «границах статусных разграничений на основании понимания общих (групповых) возможностей, реализуемых в отстаивании определенных социально-экономических интересов, либо статусных обязанностей, проявляющихся в выполнении функций, имманентных развитому среднему классу» [Авраамова, 2017: 43] есть база для риска низкого качества среднего класса, «пробуксовки» его фундаментальной функциональной роли как гаранта социально-экономического развития.

Отсутствие четкой инновационной направленности трансформационных процессов приводит к тому, что накопленный человеческий потенциал не находит реализации в структуре занятости и «утекает» в теневую экономику или пополняет ряды прекариев, что становится базой для рисков целостности системы занятости.

Социоструктурные изменения содержат потенциал неравенства распределения рисков в силу неравенства ресурсов для адаптации не только с целью развития, но и с целью выживания, неравенства ресурсов для снижения уязвимости и той «социальной цены», которую платят различные категории населения за адаптацию к трансформационным и иным рискам.

Оценки этого неравенства «опрокидываются» на все составляющие социальной сферы жизнедеятельности трансформирующегося общества и обуславливают негативные оценки значительной части населения своего социального самочувствия и уровня адаптационного потенциала.

Одной из крайне негативных адаптационных стратегий становится девиация на фоне неопределенности институционально-нормативной системы. Самоотчуждение от социальной реальности снижает качественные показатели человеческого потенциала общества.

Адаптация к социетальным рискам как процесс структурирования неопределенности и снижения уязвимости общества как системы осуществляется на институциональном уровне. На этом уровне целью программ и методов адаптации становится снижение материального и физического ущерба от трансформационных рисков. Со стороны институциональной среды для адаптации к трансформационным рискам социетального уровня предпринимаются определенные меры, в частности, широкой общественности представлен целый ряд национальных программ социальной

направленности. Однако, анализ реализации этих программ является задачей будущих исследований.

Своевременно не идентифицированный риск приводит к развитию кризисов той или иной длительности, катастроф, имеющих серьезные последствия для территорий и населения.

Позитивная адаптация в таких ситуациях строится через поиск области приемлемости риска. В трансформирующейся России в настоящее время типичной становится ситуация, сущность которой можно охарактеризовать как эколого-экономическое противоречие. При котором сталкиваются с одной стороны интересы сохранения природной среды и жизненного уклада территориальной общности, с другой стороны – промышленных холдингов и крупных предприятий, ориентированных на прибыль. Еще более неопределенная и опасная ситуация складывается в моногородах, где сворачивается производство или добыча и территория становится «бомбой» замедленного действия по объему вредного воздействия на окружающую среду.

Адаптация к не идентифицированным своевременно и фактически неуправляемым и неконтролируемым рискам в таких ситуациях ложится на население. Ущерб в таких условиях не исчерпывается физическим и материальным, он отличается и иной природой.

Автору близка позиция Г. Е. Зборовского относительно того, что для ответа на простой вопрос о том «где, в каких социальных структурах и образованиях реально живут люди», необходимо спуститься с «абстрактных высот общественного бытия» к конкретной реальности, а именно к такому субъекту общественной жизнедеятельности как социальная общность [Зборовский, 2010: 4].

Фактором, на который «стягиваются» «общностнообразующие» признаки, внутренние связи в условиях кризисов, навязанных рисков, пост-катастрофного восстановления выступает *защита жизненного уклада как единства социальных и природных условий бытия в конкретной пространственной среде обитания в конкретный временной период.*

Анализ практики институционального взаимодействия с неопределенностью и рисками, вызванными кризисами и катастрофами как проявлениями риска четко показывает основную проблему «пробуксовки» управленческой практики: ориентирование на смягчение только материального ущерба и бессубъектность, нежелание или неумение чиновников брать ответственность на себя. Выход из кризисных ситуаций намечается только при условии формирования субъекта, способного если не к активной деятельности, то, по крайней мере, к предъявлению и продвижению своих интересов. Такой субъект – профессиональная или территориально-поселенческая общность, единство которой формируется осознанием общей проблемы, угрожающей жизненным интересам каждого. С таким субъектом

институциональная среда вынуждена вступать в социальную коммуникацию, в рисковую коммуникацию.

Институциональная адаптация к рискам кризисов и катастроф без рискованной коммуникации невозможна. Социальное управление и управление рисками в конкретных условиях должно опираться не только на технологические показатели, но и на данные социологической диагностики, не опросов общественного мнения, а именно грамотно проведенных социологических исследований, рассматриваемых как научное обоснование управленческих решений [Мозговая, 2019].

Оценка и выбор стратегии адаптации к рискам на личностном уровне.

Важнейшей научной задачей в этой связи является изучение личностного оценочного сознания, выявления типологий при обобщающем анализе оценочного сознания населения, отдельных категорий и групп. Интерес состоит в научном представлении о том, чем руководствуются люди, определяя и оценивая уровень опасности и риска, степень своей защищенности, принимая решения действовать в соответствии с той или иной стратегией.

Ниже отражено авторское понимание структуры факторов так или иначе участвующих в личностной оценке риска и принятии решения о выборе той или иной стратегии адаптации к риску как потенциальному ущербу той или иной природы [Мозговая, 2019].

В социальном мире индивиду приходится так или иначе жить и действовать, для чего им и создается индивидуальная система ориентирования в социальной реальности. Ее необходимыми элементами являются:

- представления о жизненных перспективах как образе будущего;
- индивидуальный ресурсный потенциал;
- жизненный опыт;
- оценка защитной функции институционально-властной среды.

Сознательное, то есть субъективно контролируемое поведение индивида предполагает результат как опосредованное имеющимися или вновь созданными ресурсами достижение некоторой *цели*. Опыт успешного взаимодействия со средой выступает предпосылкой формирования жизненных стратегий и практик.

Жизненное ориентирование личности (семьи) в социальной реальности производится через нахождение (конструирование) баланса между образом будущего, индивидуальным ресурсным потенциалом, институциональным контекстом с учетом жизненного опыта (наличных практик).

Выбор в ситуациях *неопределенности* представляет собой определение способа использования ресурсного потенциала, исходя из: *субъективной ценности* (значимости, полезности) того или иного исхода, разрешения проблемной ситуации и *институционально-нормативного* контекста этой ситуации. Таким образом, оценка в условиях неопределенности *лично* и *социально* детерминирована. В свою очередь

субъективная ценность (полезность) соотносится с жизненными перспективами, ядром которых выступают цели (притязания).

Выбор стратегии действий в ситуациях риска рационален поскольку за ним следует целенаправленное и целерациональное поведение. Рациональность в таких ситуациях следует трактовать не как свойство личности, обусловленное спецификой психологической структуры, а как способ, стиль поведения, взаимодействия со средой в ситуациях с мультивариантным исходом.

В конкретной ситуации после идентификации риска индивид соотносит субъективную значимость ущерба с параметрами своей системы ориентирования в социальной реальности и оценивает степень уязвимости. Результатом выступает произведенный на основе характерного для индивида типа рациональности выбор стратегии адаптации к ситуации неопределенности.

Заключение

В статье кратко представлено теоретическое и эмпирическое обоснование неравенства в распределении риска в социальном пространстве трансформирующегося общества и неравенства в наличии и качестве ресурсов адаптации к неопределенности, возникающей на стыке институциональной среды и жизненного мира человека. Предложен методологический подход к исследованию факторов личностного выбора стратегии действий в ситуациях неопределенности социальных и экономических изменений на мезо– и микроуровне – общность, личность.

Библиографический список

Аврамова Е. М. Риски снижения уровня благосостояния населения: стратификационный анализ // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 42- 54.

Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 20–31.

Гудков Л. Д. Парадоксы изучения социальной структуры в России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 2/2. С. 207–224.

Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 400 с.

Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // *Социологические исследования*. 2010. № 4 (312). С. 3–12.

Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Том. 7. № 4. С. 151–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808>.

Мозговая А. В. Рисковая коммуникация как механизм формирования статуса безопасности территориальной общности в процессе адаптации // *Society and Security Insights*. 2019. Т. 2. № 3. С. 137–145.